

Эд. Азаян

Рудольф Хачатрян — художник света

Новый день (Нор ор) · 12 ноября 1985, с. 7 · Перевод с армянского

«ХУДОЖНИК СВЕТА» РУДОЛЬФ ХАЧАТРЯН

(Продолжение из предыдущего номера и окончание)

— Я хочу вернуться к идее света. В вашей биографии есть история — насколько это легенда, насколько правда, не знаю. В раннем детстве вам было видение, излучение света, и вся ваша жизнь посвящена поискам этого света. Не хотели бы вы сказать, насколько это реально?

— Это реальная история, но мне не хотелось бы на ней задерживаться, но это видение было: трижды, в один и тот же день, ночью, в темноте. Мне было тогда двенадцать лет, и я думаю, что именно этот свет я ищу в каждой работе, в каждом рисунке. Неважно, человек ли это, пейзаж или вид природы. Я всегда хочу видеть этот свет. Вероятно, это миссия (mission), которая дана.

— Хорошо, я хочу поговорить о ваших портретах. В них есть нечто очень волшебное, что я, пожалуй, не сумею определить, но моё ощущение от портретов таково: поверх всех содержаний искусства в этих портретах я вижу живого человека. Вы, оказываясь лицом к лицу с этим человеком и не зная его истории, — как вы умеете всю жизнь этого человека, его историю, его прошлое «схватить» на холсте или левкасе и воплотить в его портрете?

— Обычно люди ошибочно полагают, будто художник должен долго общаться, беседовать с человеком, чтобы узнать его и написать. Если художник почувствует, что может написать этого человека, он напишет. Мы вообще смотрим на жизнь, но не видим её. И я не смотрю: смотрение даёт мне первый толчок — мне хочется написать этого человека. Всё начинается во время работы, потому что возникает глубокая сосредоточенность, и она даёт возможность проникнуть в каждый микромир. Дело в том, что обычные люди мы так сосредоточенно не смотрим — мы в отношениях, в общении. Этот промежуток рисования, само средство рисования, эта огромная сосредоточенность — в каждом микромире, в каждом человеке. Уметь видеть и полюбить. Самое главное — любовь, тогда это и становится настоящей живописью. Такими были и великие мастера. Вовсе не обязательно писать психологию: понятие психологии приходит само собой, приходит из подсознания. Важно именно это время — та живописная атмосфера между художником и моделью. Вот что главное и что самое волшебное. Там возникает великое общение, безмолвное общение. Многое, конечно, зависит от таланта: каждый художник, если он настоящий художник, должен пережить этот миг.

— В жизни художников, кажется, есть нечто особенное: между длительностью их жизни и мощью, неистовостью их таланта существует связь. Кажется, что чем более мощным талантом они живут и творят, тем короче их жизнь. Есть ли у вас какие-нибудь наблюдения на этот счёт?

— Это так, знаете: нужно отдавать, посвящать себя, не думать о себе, нужно посвящать. В этом самопожертвовании жизнь твоя либо убывает, либо продолжается. Это не мерило. Я думаю, что художник перед каждой картиной должен идти на распятие, после которого

возродится, идти на настоящее распятие, как пошёл Христос, возродился, сосредоточился и вознёсся. То же должно происходить и с художником. Перед каждой картиной художник не должен жалеть себя, должен отдать себя, отдать до конца, после чего для него создаётся новая жизнь. Для меня живопись именно такова. Кто себя лелеял, тот до этого не дойдёт. Искусство — большая жертва, самопожертвование.

— Хорошо, скажем, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Моцарт дали свои шедевры. Если бы они продолжали жить более спокойной жизнью, было бы у них, как вы думаете, это неистовое приношение искусства, этот обряд отдавания жизни?

— Возможно, и было бы. Есть художники, которые быстро исчерпываются, есть и такие, что живут долго. Леонардо да Винчи в пятьдесят пять лет закончил свою «Мону Лизу Джоконду» — свой шедевр. Рафаэль написал свою Сикстинскую Мадонну в тридцать один — тридцать два года. Это произведения двух равновеликих гениев. Леонардо прожил около шестидесяти семи лет, а Рафаэль — тридцать семь.

— Мы хотим повернуть нашу беседу и к американскому искусству. Вы сейчас в Америке и наверняка знакомы с американским искусством. Каковы особенности американского искусства? Что вам нравится и что не нравится?

— С американским искусством я знаком ещё с Еревана. Знаете что: Америка — ещё молодая страна, страна без традиций. Когда я смотрю на американскую живопись начального периода — она, так сказать, не классическая, а живопись восемнадцатого–девятнадцатого века; хороша она или плоха — она такова. Современное искусство, конечно, ворвалось в Америку из Европы. По-моему, в американском искусстве есть всё, кроме духовного искусства. Идеи духа, духа — нет. А ведь именно дух создаёт качество, поэтому и качество не то. Кажется, всё выписано дотошно, но написано это не для духа, а только для глаза. Иное дело работы художников Возрождения: всё написано скрупулёзно, но есть и дух, который для меня приемлем. Не случайно, что в США возник гиперреализм. Это скорее фото, фотографическое искусство, фотографический образ мысли. Даже берут фотографию, увеличивают и пишут с фотографии. Это знак стремления к реальному миру; это хорошо, но мало — недостаёт духа. Это происходит от недостатка традиций в искусстве. А как мы можем быть бездуховными, когда у нас есть многовековая армянская история? И история нашего прошлого создана духом, силой духа, и лишь потом пришло осознанное изложение. Дух был первичным.

— Сейчас в поисках своего искусства вы достигли определённого рубежа, и этот рубеж даёт вам полноту. Куда вы стремитесь идти дальше?

— Продолжать то, что создал, продолжать — чтобы прибавить прежде всего духа и качества. Искусство — не поиск, а, лучше сказать, способность любить. Для меня величайший художник тот, кто любит больше всех. Самое трудное — любить, а ещё — суметь живописью спеть об этой любви.

Смотря с какой любовью пишешь увиденное. Именно это рождает восхищение, и все тоже начинают любить жизнь. Художник должен играть очень важную роль в наш век, поскольку мы живём в это тяжёлое время. Трудное, ядерное время. Нужно любить мир, нужно спасать мир — а кто об этом говорит? Художник. Если тот, кто смотрит на мою картину, сумеет полюбить жизнь, мир, — значит, я достиг своей цели. Тот, кто смотрит на картину, уже не может быть злым. Наше дело — помочь победе добра. Как сказано

в Евангелии: была тьма, и волею Божией во тьме стал свет, и свет этот был благ. И тьма не победила света. Этот свет должен быть; свет — сильнее всего, и именно свет должен победить. И искусство должно быть светом. Свет — это любовь и жизнь.

Большое спасибо, и желаю успеха вашим двум выставкам в Америке, а также вашему творческому поприщу.

(Интервью провёл директор-руководитель «Радиовещания армянского культурного наследия» в Детройте г-н Эд. Азадян.)

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Rudolf Khachatryan — Artist of Light

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0119?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Рудольф Хачатрян — художник света

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0119?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.